

СИНДРОМ ЗВЕРЯ

The background of the cover is a warm, orange-red gradient. In the center, a woman with short, wavy brown hair is shown from the back, looking slightly to her left. She is wearing a black, short-sleeved top with a low back. On her upper back, there are three deep, vertical, bloody scratches. To her right, there is a white, thorny, branch-like graphic element. The title 'СИНДРОМ ЗВЕРЯ' is written in large, white, stylized letters at the top, with some paint-like splatters around it. The author's name 'Ксения Хан' is at the bottom in a white, handwritten-style font. On the left side, there is a vertical list of text in white, and a small green cactus-like plant is visible in the bottom left corner.

18+

Иногда
единственный
способ
выжить —
позволить
зверю
найти тебя

Ксения Хан

Ксения Хан

Синдром зверя

Серия «Город хрустальных грехов»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74681371
Синдром зверя. Роман: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-255943-3*

Аннотация

Она – носитель вируса, способного изменить мир. Он – зверь, который не позволит ей погибнуть.

Тара два года скрывается под чужим именем. Она привыкла не доверять незнакомцам, не задавать лишних вопросов и не думать о том, что однажды болезнь всё-таки её настигнет.

Но Дин Торрес знает, кто она. И знает, что за ней охотятся.

Он должен вывезти Тару в безопасное место, пока учёный, одержимый созданием идеального оружия, не добрался до неё и до вируса «Харон», который она носит в себе. Дин обещает защитить её – только вот сам он опасен не меньше преследователей. В его крови живёт зверь, а рядом с Тарой тот всё чаще выходит из-под контроля.

Когда на кону – свобода, жизнь и судьба целого мира, Таре придётся решить, что страшнее: оказаться оружием в чужих руках или довериться зверю, который готов ради неё на всё.

Захватывающий роман о смертельной тайне, опасном притяжении и связи, способной изменить их обоих.

Имя: Тара Кирк. Диагноз: Смертельно заражена. Статус: В бегах.

Два года назад Тара украла образец смертельного вируса «Харон». Она думала, что все следы уничтожил пожар в лаборатории, но прошлое находит её само – в лице Дина Торреса, молчаливого человека с холодным взглядом и зверем внутри.

Имя: Диего Торрес. Природа: Потомок волка. Статус: Охотник.

Дин должен доставить Тару в безопасное место. За ней охотятся люди, готовые превратить украденный вирус в смертоносное оружие, способное изменить мир. Но чем ближе они к спасению, тем яснее становится: настоящая опасность скрыта не только в «Хароне».

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Хан Ксения

Синдром зверя

Роман

© Хан К., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

*Посвящается всем девочкам, которые выросли,
но всё ещё ждут своего защитника, что на любой
запрос скажет: «Не волнуйся, я всё решу».*

Такие мужчины СУЩЕСТВУЮТ.

Но вы и сами себя защитите, малышки;)

*Кате – за твою неумолимую веру в меня. Ты
должна была бороться
с моими идеями, а не подкидывать новые:)*

Часть первая

Санта-Ана, Мексика

Глава 1

Барон Суббота

Имя: Диего Хосе Риера Торрес

Возраст: засекречен

Принадлежность: засекречена [специальные элитные войска]

Военные заслуги: две серебряные звезды, бронзовая звезда, зелёное сердце за боевое ранение

– Дин, это Рина. Боб умер.

– Знаю.

– Тебе уже сообщили?

– Сам понял.

– Голос у тебя бодрый.

– А ты думала, застанешь меня в рыданиях?

– Нет, но полагала, что ты будешь... более эмоциональным. Всё-таки он твой... Как это у вас называется? Соросич? Партнёр?

– Мы предпочитаем слово «союзник».

– Ах да. Информации по твоему союзнику ещё нет, но мы полагаем, что...

– Его убили.

– Я бы не была столь категорична.

– Рина, ты давно нас знаешь. И знаешь Боба. Он не мог умереть по естественным причинам в свои тридцать девять. Не с его опытом, не с его возможностями.

– По предварительным данным, у него в машине отказали тормоза.

- В это верится с трудом. Я не верю.
- Ладно. Что собираешься делать?
- Ты знаешь что.
- Зря я спросила. Применить свои анималистические штуки и выследить убийцу?
- Убийц. Я подозреваю, их несколько.
- Ого, вау. Не в моих правилах растягивать вину на толпу людей без доказательств, Торрес.
- Я найду тебе доказательства. В какое дело ты втянула Боба на этот раз?
- Всё сложно. Я не могу тебе сказать, это секретная...
- К чёрту твои тайные операции, Катрина.
- Дин, ты не имеешь права влезать в государственное расследование.
- Кто-то убил моего союзника, Рина. Я выслежу его и приведу к тебе.
- Если не убьёшь в приступе ярости.

1 ноября 2026 года, Санта-Ана, Мексика

Я бы очень хотела сказать, что умею быть стойкой и не поддаюсь на откровенные манипуляции Джой, но тогда я солгу. Впрочем, я лгу людям постоянно, поэтому могу соврать и себе. Сейчас я говорю себе, что не соглашалась идти с Джой на тупую вечеринку по случаю Санта Муэрте. Прямо сейчас я говорю себе, что не собираюсь даже ступить в мест-

ный бар, набитый студентами нашего университета, – в котором, как мне казалось, меньше тысячи человек (поэтому я его и выбрала), но «Пятый элемент» переполнен – видно по длиннющей очереди в заведение, – отчего я уже сомневаюсь в своих подсчётах.

– Гони или умри, – говорит Джой невпопад, и её мурлыкающий голосок с приятным корейским акцентом перебивает в барабанных перепонках звуки грохочущего саундтрека из «Форсажа». Мы с Джой фанатки Доминика Торетто, и что, и что?

– Мы обе знаем, что эта фраза даже из уст Пола Уокера звучит кринжово, – комментирую я, но Джой так лучезарно мне улыбается, что остаётся только вздохнуть и согласиться: – Гони или умри.

Я никогда не умела противостоять её ослепительной харизме.

Нас вносит в бар вместе с очередной толпой студентов, среди которых я замечаю Патрика и Уилла. Ох, ну вот почему им нужно было прийти именно сюда?

На самом деле я знаю ответ. «Пятый элемент» – единственный сносный, а потому самый популярный бар в округе, куда пускают лиц младше двадцати одного, что вообще-то не очень законно, но нашим ровесникам – и тем, кто притворяется, что им всего двадцать (мне, например), – небольшое нарушение закона на руку.

Когда я впервые услышала об ограничении в двадцать

один, то возмутилась: в Мексике, в отличие от Штатов, ты можешь пить алкоголь с восемнадцати. Но не в нашем городке. Санта-Ана всегда была, скажем так, под протекцией США, конкретнее – ближайшего к Мексике штата Аризона, а потому тут действуют порядки, закреплённые в правовом поле юрисдикции D. В этом есть свои плюсы: например, можно поступить в Технический университет Санта-Аны и пройти местную программу обучения, а на выходе получить диплом со штампом США, который позволит приехать в Штаты и работать уже там. По этой причине в Санта-Ане очень много американцев и канадцев. Тех, кто выдаёт себя за канадцев, гораздо меньше. Во всяком случае, я знаю только одного такого человека, и мне бы не хотелось, чтобы кто-то ещё знал, что в моём настоящем паспорте местом рождения указан город Финикс, штат Аризона, а не Альберта, Канада.

Я пробираюсь к барной стойке, вдоль которой растянулись все от первого курса до аспирантов, машу рукой парню со всклоченной шевелюрой, сегодня выкрашенной в ярко-красный, – Чарли? Эдвард? Понятия не имею, как его зовут, память на имена у меня отвратительная.

В День мёртвых любой мексиканский городок, надо полагать, взрывается всеми цветами радуги с превалирующим количеством красного и рыжего. Цветы бархатцев украшают улицы вдоль и поперёк, святая Катарина смотрит с каждой витрины каждого магазинчика, а кладбища сочатся жизнью, что для представителя другой культуры может быть шоком.

Мне нравятся местные традиции: тут чтут жизнь благодаря смерти, а не вопреки. С некоторых пор такая концепция кажется мне более оптимистичной. Всё лучше, чем с содроганием ждать своего конца, который по многим не зависящим от нас причинам наступает неожиданно. Скорее, чем нам хотелось бы думать.

Я облакачиваюсь на стойку, буквально выбивая себе место напротив бармена, лицо которого расписано белой и чёрной краской, а голову украшает чёрное сомбреро. С бархатцами, разумеется. Его зовут Хесус, и он приятный человек, когда работает и предлагает нам с Джой бесплатную выпивку за счёт бара. И совсем не приятный, когда пристаёт к нам в любое другое время. Джой считает его милым, и мне приходится терпеть его флирт, в котором больше испанского, чем я когда-либо смогу выучить.

– Йо, Тара! – кивает он, протирая стакан для очередного убойного коктейля. Я вяло ему улыбаюсь и тяну торчащую из-за стойки банку колы.

– Погоди, эта открытая, – говорит он и поворачивается к холодильнику, чтобы достать мне новую. – Ты сегодня с Джой?

– А с кем бы ещё я сюда пришла? – удивляюсь я и не сдерживаю язвительную усмешку. Я не люблю быть зерном кукурузы в банке, а в такие дни, как Санта Муэрте, в таком месте, как «Пятый элемент», у меня просто нет выбора. Только вот Джой, выплясывающая посреди зала рядом с Уиллом

и Патриком, выглядит счастливой и беззаботной, и за это я готова терпеть даже Хесуса, участливо протягивающего мне салфетку с оттиском эмблемы бара на уголке.

– Жарковато, да? – спрашивает он, лишь бы поддержать диалог. Пустую болтовню я тоже не особо люблю.

Если подумать, мало что в этот период моей непростой жизни приносит мне радость. Джой считает, что у меня депрессия, но она не знает и половины причин, по которым я могу чувствовать себя одинокой и выбитой из колеи. Рассказывать ей я не собираюсь – и довольствуюсь отговорками. Бедная сиротка скучает по погибшему отцу (он не умер). Бедная Тара Кирк скучает по снегам Альберты (я не люблю холод и выбрала Мексику, как наиболее приемлемый вариант, где можно скрываться и не отбивать зубы от морозов, – Канада среди доступных опций тоже была, и я отмела её именно из-за погодных условий). Вариативность лжи, которую я нагромождаю на лучшую и единственную подругу, огромна, и мне приходится *записывать* всё, что я говорю, чтобы выстраивать складную историю вокруг своей личности.

Тара Кирк – не *моё* имя. Я его выдумала точно так же, как возраст, дату и место рождения. Даже смерть отца я придумала для сказочки, которую можно скормить окружающим, чтобы они перестали донимать расспросами.

Студенты мелкого университета в полузакрытом городке – очень любопытные люди. Винить их не в чем: в Санта-Ане

мало развлечений, и, кроме учёбы, половина из нас тратит время на бары и выпивку, а другая – пытается работать. Что, кстати, тоже незаконно. Если ты хочешь учиться в Техническом Санта-Аны, то должен соблюдать правила местного Совета и грызть гранит науки, а не зарабатывать деньги, часть которых пойдёт в налоговый учёт Мексики. Всё, что ты получаешь, ты должен отдавать Совету – считай, США. Желательно в нематериальном эквиваленте.

Я нарушаю миллион правил Совета, даже если не брать в расчёт мою подставную биографию. Прогуливаю пары, работаю в мастерской в пригороде города и не плачу с заработанных денег налоги. Если подумать, я просто криминальное бинго.

Меня снова подташнивает, но за последние пару лет я так привыкла к этому тремору, что даже не обращаю внимания на скачок давления. В висках стучит, музыка в баре слишком громкая. Не нужно было сюда приходить, не в моём состоянии.

– Если ты снова сбежишь, я найду тебя и убью, – говорит Джой, втискиваясь между мной и девушкой в умопомрачительно красивом красном платье, на чьё лицо, наверное, подышали латиноамериканские ангелы – она похожа на богиню. Роза? Бьянка? Она вроде бы учится на третьем курсе. На её фоне даже моя Джослин бледнеет, а я считаю её самой прекрасной женщиной во всём мире.

Не все со мной согласятся. Джослин Мия Арчер носит

имя среднестатистической американки, а выглядит как дочь корейнки, что правда. У неё бледная кожа, большие янтарные глаза с хитрым прищуром, что делает её похожей на лисичку, и офигительная копна каштаново-рыжих волос, которой я всегда завидовала по-чёрному. Эй, это справедливо. Я тоже хочу такую шевелюру.

Если поставить нас рядом, то с большей вероятностью это ей в досье припишут «лгунья», потому что она определённо похожа на человека, кто выдумал себе имя, сбежал в Мексику и скрывается тут от врагов своего отца, магната фармацевтической корпорации. Но Джой – самый живой, самый душевный и *настоящий* человек во всей Санта-Ане. А может, и во всей Мексике. Я же, наоборот, легко потеряюсь в здешней толпе. У меня оливковая кожа, тёмные карие глаза и тёмно-каштановые волосы. Если бы мой испанский был на пару уровней выше, я бы легко мимикрировала под местных.

– Я же обещала, что не сбегу, – говорю я, потягивая колу. Джой вспотела и стаскивает через голову платок с вышитыми яркими цветами и фантастическими птицами – тенанго. Она в восторге от местной культуры, а я шучу, что на половине её платков, которые она повязывает на шею и пояс, психоделические красно-жёлтые павлины поедают фиолетовые огурцы.

– В прошлый раз ты тоже мне обещала, – напоминает Джой, забавно коверкая звук «р». Я обожаю её акцент. Джой его ненавидит, кажется.

– У меня были причины, – протестую я. – Я же рассказала после...

– Да-да, но, детка, «у меня болит голова» я слышу уже в миллионный раз, и сейчас такое не сработает, поняла?

Джой думает, что, вытаскивая меня в люди, она сможет меня развеселить и снять мой «обет безбрачия». Если бы дело было в моей так называемой депрессии, я бы уже давно встречалась с Патриком Лахамой, о чём Джой прекрасно известно.

Один раз я поддалась на уговоры подруги и тусовалась с ней, Патриком и Уиллом полночи, а на следующее утро проснулась в комнате Патрика и позорно сбежала, случайно утащив его футболку. Я вернула её чуть позже, сгорая со стыда, но с тех пор Лахама считает, что я просто... слишком смущена и храню под матрасом его портрет в рамке сердечком, как Эльза Патаки. Это случилось в прошлогодний День мёртвых.

Судя по взглядам Патрика, которые он кидает в мою сторону, думая, что я не замечаю, он рассчитывает повторить этот эксперимент. Только вот пить я сегодня не собираюсь и идти на поводу его щенячьих глаз тоже. Патрик милый, и мне нравятся собаки, но... нет.

Джой надувает пухлые губы.

– Ты когда-нибудь собираешься завести себе парня?

– Как машину? Или как psa?

– Ты знаешь, о чём я. – Джой закатывает глаза так, что я

вижу только её белки, и это жутковатое зрелище. Она вздыхает.

– Детка, ну правда. Я очень, очень хочу, чтобы ты веселилась, понимаешь?

– Мне весело.

Она окидывает меня хмурым взглядом.

– Малыш, твоё развлечение – копаться в моторе какой-то затхлой тачки и поедать Takis Fuego в таких количествах, что любого стошнило бы на середине пути. Это не веселье в понимании обычного человека.

Я поворачиваюсь к ней, хватаю за обе щеки и сжимаю так, что её лицо становится похожим на персик. Ну что за милашка.

– Детка, – повторяю я её же тон, – мне правда, правда, правда весело смотреть, как ты танцуешь и флиртуешь с тем парнем в костюме... Он что, Люк Скайуокер?

– Ага. – Джой косится в сторону зала, где оставила студента в плаще с пластиковым световым мечом на поясе. – Сегодня же ещё и Хэллоуин. Многие разоделись, в отличие от тебя, между прочим.

– В Канаде не празднуют Хэллоуин, – отмахиваюсь я. Джой фыркает.

– Врёшь.

– Ага.

Я отпускаю её лицо и поворачиваюсь обратно к стойке, за которой Хесус широко улыбается нам обоим. Никак не могу

понять, он неравнодушен к Джой или же его привлекает моя загадочная хмурая физиономия.

– Ладно. – Джой забирается на стул, который ей пододвинула богиня в красном платье. Хесус подаёт ей бокал пива, и Джой одаривает его одной из своих лучезарных улыбок. – Ладно, – повторяет она. – Если тебе так не хочется тут сидеть, я отпущу тебя...

– Правда?

– После того как ты потанцуешь во-он с тем загадочным *чико* в дальнем углу.

Я вытягиваю шею в поисках парня, на которого указывает Джой. Сперва мне кажется, что она говорит об Уилле – тот размахивает руками у помоста с диджейским пультом, – и хочу уже возмутиться, но потом замечаю.

Он стоит, прислонившись лопатками к колонне, и его наполовину скрывает тень. Свет в баре тёпло-жёлтый, мягкий, он до него не дотягивается, но я каким-то образом понимаю, что он... *смотрит*. На меня. Прямо на меня.

– Этот красавчик буравит твою спину уже полчаса, – говорит Джой с такой довольной улыбкой, будто сама ему на меня указала.

– Это повод испугаться, малыш, – говорю я с тревогой в голосе. Не то чтобы я в самом деле боюсь, но пристальное внимание к моей персоне несколько... обескураживает? Во всяком случае, *такое* внимание.

С виду обычный парень: на нём кожаная куртка, чёрная

футболка под ней, джинсы с широким поясом и роперы. Не удивлюсь, если у него на заднике сапога шпоры. Смущают только две детали в его образе: на нём белая маска с черепом и ковбойская шляпа. А, он Барон Суббота. Вид идиотский, надо признать. Он так привалился к колонне, будто его кто-то только что хорошенько об неё приложил, да так и оставил. Не могу понять, что меня смущает больше: то, что я не вижу его лицо, потому что оно скрыто маской, или то, что я реально чувствую на себе его пронизывающий взгляд.

Меня пробирает дрожь, по спине вдоль позвоночника стреляет ледяная молния. Фу, как будто укачало.

– Джой, – говорю я внезапно осипшим голосом. – Я действительно не думаю, что мне стоит...

– Брось, посмотри на него, – прерывает меня Джой, явно не замечая, что ситуация, мягко скажем, подозрительная. – Он весь такой загадочный и весь такой... *большой*. Ну, крупный, да? Глянь на эти плечи!

Парней с такой широкой спиной я тем более не люблю. С некоторых пор они вызывают ассоциации с телохранителями Бертубера, старого приятеля моего отца, отношения с которыми у меня не сложились сразу же, поэтому – нет. *Такие* парни меня не привлекают.

Он, кажется, понял, что я заметила. И поднимает голову, открывая верхнюю половину маски под шляпой. В прорезях блестят тёмные глаза. Он выпрямляется, отталкиваясь от колонны.

Я хочу уйти. Прямо сейчас. Мне кажется, что проницательная Джой верно поняла направление, но неверно оценила перспективы: тот парень, кем бы он ни был, и правда не сводит с меня взгляда. И этот взгляд... Сулит опасность.

— Детка, ты не обидишься, если... — бормочу я, стаскивая себя с барного стула. Джой, думая, что я приняла её предложение и сейчас пойду за незнакомцем танцевать под Майли Сайрус, одобрительно машет рукой.

Но я иду, конечно же, не к нему. Я выхожу из бара, протискиваясь между студентами, задеваю плечом Патрика, и он провожает меня обиженным взглядом. Извини, приятель, но ты же не думал, что мы повторим прошлогоднюю гонку с тем же результатом? Я учусь на своих ошибках, эй.

Я выскальзываю на свежий воздух с трудом и судорожно вытягиваю воздух в лёгкие. Аж дышать трудно стало. Что за кульбиты в грудной клетке такие? У меня тахикардия? Из-за тревоги?

Несколько долгих секунд уходит на то, чтобы я уговорила собственное сердце не биться так сильно, разгоняя кровь по телу до предельной скорости. Я тереблю в руках платок Джой, который стащила на автомате, и накидываю его на плечи. Меня охватил озноб, хотя погода сегодня очень тёплая, обволакивающе тёплая. Не знаю, с чем это связано. С приступом тревоги из-за внимания или же...

О втором варианте думать не хочется, но я думаю. С тех пор как я сбежала из Финикса, моё здоровье сильно подво-

дит, и я не могу винить в этом никого, кроме себя же. Ну, и некоторые обстоятельства, изменившие мою жизнь одним не самым удачным днём на все сто восемьдесят.

Я думаю о том, чтобы снова нарушить данное Джой обещание и свалить в нашу крохотную съёмную квартирку – посмотреть очередную серию «Ада для одиночек», поесть такос и ждать довольную вечером подругу, которая принесёт сплетни о новом ухажёре. Планы выглядят соблазнительно настолько, что я едва не иду у них на поводу.

– Хочешь сбежать? – спрашивает Патрик.

Он снова подкрался ко мне со спины, и я вздрагиваю, а потом оборачиваюсь к нему с таким видом, что любой адекватный человек, оценив перспективы, сразу бы заткнулся. Но Патрик – немножечко идиот. Забавный, по-своему милый, но непробиваемый идиот.

– Ты всегда сбегаешь, – говорит он.

– А ты так и не научился читать между строк.

– Я не особый фанат намёков.

– Это не намёк.

Я сильнее заматываюсь в платок Джой и убираю под складки отросшие до лопаток волосы. Те неприятно липнут к вспотевшей коже. Надо бы попросить Джой подстричь меня.

– Хочешь прогуляться? – спрашивает Лахама. Я же говорю: непробиваемый.

– Нет, – отвечаю я с нажимом. Прогулки я люблю, а в ночь

Всех мёртвых это вообще самое благостное занятие, но не в компании Патрика. – Я пойду домой.

– Как всегда, – вздыхает Патрик. Он чуть выше меня, поджарый, потому что ходит в качалку вместе с более мускулистым Уиллом, и очень улыбочивый. Этаким ретривер, латиноамериканская версия. Он красивый, и у него много поклонниц в нашем университете. Но почему-то из всех девчонок, готовых сходить с ним и на романтический фильм, и отправиться в путешествие по ближайшим городам, он зациклился на мне.

Мне это льстит, правда. Но и утомляет. Я не планирую заводить отношения с кем-то из однокурсников, да и вообще с кем-то в Санта-Ане. Патрик второй год считает, что я кокетничаю.

– Я пойду, – говорю я, понимая, что молчание затянулось. В моей жизни очень мало людей, с кем комфортно молчать. Патрик в их число не входит.

– Постой. – Он тянет руку, но вовремя понимает, что лучше меня не трогать. Его ладонь с длинными пальцами так и висит в воздухе между нами. – Слушай, Тара... – Патрик растирает шею, опуская глаза на свои ботинки. – Ты же понимаешь, что постоянно бегать от меня не получится?

Я выгибаю бровь, смеривая его оценивающим взглядом. Он красивый. Но – и это важнее, – прилипчивый. И не в моём вкусе. В прошлом году мы переспали, потому что я напилась, только-только поступила на первый курс и ни с кем,

кроме Джой, не была близко знакома.

А ещё мне было одиноко, и я хотела простого человеческого тепла. Нужда никуда не делась, но притупилась – теперь я могу контролировать желания. Если у тебя высокое либидо при высоком интеллекте и наличии ПТСР, ты вполне можешь себя контролировать. И пользоваться игрушками, а не другими людьми, взаимодействие с которыми повлечёт за собой последствия.

– Слушай, Патрик, – говорю я на выдохе. – Ты же понимаешь, что у нас ничего не получится? Я сказала тебе это год назад и повторяю каждый месяц, но ты почему-то меня не слышишь.

Он переступает с носков на пятки, уставившись мне в глаза. Я не умею выдерживать такие взгляды, меня смущает столь открытое соприкосновение, и я сдаюсь первой. Опускаю глаза, рассматривая свои красные конверсы.

– Я же не предлагаю тебе выйти за меня замуж, – говорит Патрик обиженно, будто уже построил у себя в голове целый двухэтажный дом с белой калиткой во дворике, завёл двух собак и трёх отпрысков вместе со мной.

– Патрик...

– Одно свидание, окей? – давит он и делает микроскопический шаг ко мне. Я это замечаю и отшатываюсь.

– Я же сказала, нет.

– Но, Тара...

– По-моему, ты не в том положении, чтобы настаивать, –

прерывает его низкий хрипловатый голос, и я смотрю Патрику за спину, чтобы увидеть стоящего в дверях парня. Того самого.

Он не такой высокий, каким казался издалека, но определённо крупный. Широкоплечий, но не настолько, чтобы шутить, что он пропускает день ног. И он снова на меня смотрит. Его взгляд впивается в меня, не мигая.

Патрик оборачивается, и по его тону можно понять, что он на взводе уже:

– Извини, приятель, а я спрашивал твоё мнение?

Парень выпрямляется, поправляя ковбойскую шляпу так, чтобы она не сползала на лоб, и отходит от стены в нашу сторону. Фонарный свет падает ему на лицо, и теперь в прорези маски я отчётливо вижу тёмные, глубоко посаженные глаза. Нет, подождите, они янтарные. Нет, всё же карие. Я моргаю, тру веки. Показалось, должно быть.

Он как-то рвано дышит. Я наблюдаю, как он медленно приближается к Патрику и встаёт с ним совсем рядом, будто хочет подавить его физически, без того, чтобы применять силу. С чего я вообще решила, что он станет драться с Патриком, я не знаю, ведь у парня довольно расслабленные движения. Только вот напряжение, сгустившееся в воздухе, заглушает все рациональные чувства в радиусе пяти футов. Даже музыка, бьющая ему в спину из открытых дверей бара, отходит на второй план. Он похож на хищника.

Не понимаю, почему об этом подумала.

Парень всего на несколько дюймов выше Патрика, но всё равно смотрится на его фоне внушающе.

– У тебя проблемы? – Патрик пятится, я отхожу в сторону, и он, споткнувшись, неловко взмахивает руками, чтобы устоять на месте.

– Не хочу быть свидетелем столь жалкой сцены, – говорит парень. Я уже должна звать его официально, типа, Парень? – Не люблю смотреть, как идиоты вроде тебя пристают к женщинам.

– Так закрой глазки, – советует Патрик.

Оказывается, Патрик не только со мной такой толстокожий.

Парень склоняет голову и смотрит за плечо Патрика, на меня. Он ждёт, что я его поблагодарю за то, что вступился? Дам команду, мол, да-да, ты можешь укусить этого идиота?

Я стою в паре футов от них обоих, позади широкая ули-

ца. В любой момент я могу рвануть по Онсеава в сторону городского кладбища, где затеряюсь в толпе или спрячусь в забегаловке сеньоры Идальго, которая по случаю Санта Муэрте работает всю ночь. Только вот я не бегу, даже не делаю шага вправо.

– Э-э... – По-моему, я должна как-то поучаствовать в этом диалоге, спасти Патрика, например. Потому что теперь кажется, что в большей опасности здесь Лахама, а не я.

– Тара, пойдём, – говорит Патрик и разворачивается, хватая меня под локоть. Я морщусь, дёргаю руку. Прикосновение его пальцев вызывает неприятную дрожь по всему телу.

– Не надо меня тянуть, я...

– Слушай, мальчик, – произносит Парень. Он обходит Патрика и встаёт рядом со мной. Боже, он правда крупный. Футов шесть, должно быть. – Ты не понимаешь ситуации?

– Мне не нужна защита, – спокойно говорю я. Парень смотрит на меня. Я невольно сглатываю, и он почему-то вздыхает. От него исходит такая волна тепла, что на мгновение я думаю, будто у меня подскочила температура.

Патрик злится, стискивает ладонь вокруг моего локтя сильнее.

– Отпусти девушку, – требует Парень. Патрик моргает. Что-то в его мозгу всё-таки срабатывает как надо, потому что он тут же разжимает ладонь.

– Эм... – снова мямлю я. Тру руку, прячу её под платком. Парень реагирует странно: как-то рвано дышит и прикрыва-

ет глаза на мгновение. Сдерживается, чтобы не наброситься?

Я должна хотеть сбежать. Но никуда не уйду. Я стою рядом, чувствуя, как меня обволакивает спокойное тепло, как стихает мигрень, охватившая голову обручем. Это странно. Но почему я не уйду?

Сейчас оставлять Патрика с этим вот человеком кажется мне неразумной идеей, вот почему. Они же подерутся...

– Felis Dia de los Muertos, лиса, – говорит Парень внезапно и – уходит. Нет, не так – почти срывается и бежит.

Я и Патрик смотрим ему вслед с одинаковым удивлением.

– Ну и что это было? – спрашивает он с раздражением.

– Если бы я знала, – бормочу я.

Глава 2

Профессор Горячий Испанец, К. Н

- Я нашёл её.
- Почему я не слышу радости в голосе?
- Потому что я не радостный.
- Ясно. Проблемы?
- Не те, о которых я думал.

- Удиви меня.
- Я... не знаю, в чём дело.
- Окей, я удивлена. Поясни.
- Возможно, я не смогу вернуть её в Штаты.
- Она от тебя сбежала?
- Нет. Но я был бы рад, если бы она правда сбежала.
- Я не понимаю.
- Я тоже. Но я с этим разберусь.
- Не сомневаюсь. Доставь её домой, Торрес.

На пары я прихожу с опозданием – проспала. Не получилось уснуть ночью, вертелась на широком матрасе, лежащем прямо на полу (мы с Джой так и не купили кровати, решив не тратить), и никак не могла выкинуть из мыслей Парня. Сперва он напугал меня, потом помог с Патриком – я сбежала от него сразу, едва он отвлёкся на вышедшего подышать Уилла. Наверное, я бы и так от него избавилась, но недоуме-

ние, оставшееся после Парня, определённо мне помогло. Теперь Патрик, должно быть, рассказывает всем вокруг, как он отделал здорового незнакомца, спасая мою персону.

Джой машет мне с третьего ряда большой аудитории, уже набитой студентами. Я падаю на место рядом с ней, устало облакачиваясь на твёрдую деревянную спинку стула.

– Хорошо погуляла? – спрашивает Джой. Она не вернулась ночью домой. – С Патриком, да?

Я поворачиваюсь к ней всем корпусом.

– Это он тебе так сказал?

Джой пожимает плечами.

– Он Уиллу сказал. Тот мне.

– Что я с ним гуляла?

– Ну... – Джой оглядывается на задние ряды, где устроились Патрик, Уилл и остальные их друзья. – Я думаю, он привирает?

– Очень.

– А-га, – тянет Джослин и наклоняется ко мне с хитрой улыбкой на пухленьких губах. – Сознаться, ты провела ночь с тем красавчиком?

Я поджимаю губы. С чего Джой решила, что он красивый, если мы не видели его лица? Может, он страшный, как атомная война?

– Нет, – цежу я. – Тот Парень – псих.

– Ой. – Джой распахивает свои янтарные глазки ещё шире. – Так ты с ним пообщалась?

– Можно и так сказать. Он чуть не...

Я обрываю себя на полуслове. Чуть не побил Патрика? Вроде бы он не собирался, я же не знаю, что творилось в его голове. Но всё этот псих себя странно, да и исходящая от него аура была... пугающей.

Ночью, разбирая это на микроатомы, я сделала вывод, что если кому и стоило испугаться, так это Патрику. Казалось, ко мне этот Парень был благодушно настроен. Обычно я интуитивно понимаю, с кем стоит сближаться, а кого лучше обходить стороной, и в числе моих близких друзей только Джой (самая лучшая подруга, которую могла мне послать вселенная) и Стив, владелец автомастерской, где я подрабатываю. Стив – большой плюшевый медведь. Если получается, других людей я избегаю, как Патрика.

Этот Парень даже при первом тревожном впечатлении в итоге оставил после себя... шлейф необъяснимого жара, прокатившегося вдоль позвоночника и осевшего где-то в желудке.

– Не верь тому, что говорит Патрик, – в итоге сдаюсь я и отворачиваюсь, лениво раскладывая перед собой блокнот и учебник по матанализу. Ненавижу матанализ.

Большинство ребят у нас пользуется ноутбуками, но я привыкла записывать лекции по старинке в тетради и блокноты (у меня нет денег на технику).

Джой наблюдает за мной с загадочной улыбкой, накручивает на палец прядь волос.

– Я тут подумала... – начинает она, – тебя надо зарегистрировать в Тиндере, чтобы... О-о-о, чтобы вот таких секси ловить!

Я поднимаю взгляд от теоремы Ферма в недоумении – от первых рядов вверх тянется волна приглушённых женских вздохов. Джой бьёт меня по плечу.

– Мать моя женщина! – восхищённо мурлычет она. – Ты видишь? Нет, ты видишь это?

За кафедрой стоит не профессор Аллоунси. На притихших нас смотрит брюнет с оливкового цвета кожей. Широкоплечий, довольно высокий, с пробивающейся на скулах щетиной, с редкой сединой в густых жёстких волосах, хотя на вид ему лет тридцать с небольшим. У него карие глаза, которыми он осматривает аудиторию, и ждёт, когда спадёт эффект первого впечатления.

Я смотрю на него, чувствуя, как непроизвольно открывается рот.

Вау. Вот это... Нет, правда. Вау!

Джой сжимает мою руку так, что ноют пальцы.

– Пожалуйста, прекрати! – цежу я сквозь зубы, но Джой склоняется ко мне и чуть не облизывает ухо.

– Это буквально самый горячий препод, которого я видела в своей жизни!

Я хочу закатить глаза, но не могу – я её поддерживаю.

– Прошу тебя, это всего лишь... – Но подходящих слов для «всего лишь» у меня нет.

– Понимаю, вы удивлены, – произносит незнакомец, и я чувствую, как сердце ползёт в желудок. Он говорит низким грудным голосом с очень приятным тембром, с очень мурлыкающим акцентом.

Пожалуй, тут подошло бы не «всего лишь», а «чересчур».

– Меня зовут Дин Хьюиш Торрес, с сегодняшнего дня и до конца семестра я буду заменять профессора Аллоунси, – представляется он. – Я кандидат физико-математических наук, ссылки на мои работы есть на сайте университета, вы можете ознакомиться с ними после лекции. Ко мне можно обращаться «профессор Торрес» или «мистер Торрес», если вам так будет комфортнее. В сферу моих интересов входят планетарные исследования, теоретические исследования в области планетарной космогонии, а также физика высоких энергий и...

– Испанец, – выдыхаю я против воли, расслышав в его словах напористые ноты (мексиканцы говорят чуть мягче), и Джой тянется ко мне снова.

– Горячий испанец!

Горячий испанец, объясняющий новую схему работы на лекциях, замечает, что Джой прижалась ко мне всем телом. Или что я на него пялюсь. Это неудивительно, на него все сейчас пялятся. Но он склоняется к кафедре и смотрит прямо на меня. Под языком тянет. Нет, не от тревоги.

Клятый Боже, он и правда слишком горяч для преподавателя.

– Мисс, вы слушаете?

– А-га... – тянет Джой, заворожённая тембром его голоса. Он хмыкает.

– Что я сказал?

– Оставайтесь на разговор после пар? – с надеждой спрашивает Джой. По аудитории прокатывается смешок.

– Я не оставляю после пар, мисс Арчер, – с кривой ухмылкой отвечает профессор.

Жаль.

Жаль?! О чём я вообще думаю?! Приходится спрятать внезапные эмоции под толстый слой размышлений о том, насколько моё скачущее либидо влияет на рациональность.

Пока профессор Торрес объясняет теорию функциональных пространств, ссылаясь на предыдущие лекции Аллоунси, я грызу ноготь большого пальца, пытаюсь сосредоточиться. Выходит слабо: я проматываю в голове события вчерашней ночи, воспоминания мешаются с мыслями о Патрике и его длинном языке. Прижечь бы его паяльником. Каждый раз меня останавливает уголовный кодекс двух стран и собственное великодушие. Джой считает Патрика милым – все считают Патрика Лахаму милым, будем честны. Не будь он таким прилипалой, я бы присоединилась к мнению большинства девчонок нашего потока.

– Эй, – зовёт Джой со своего места, не отвлекаясь от ноутбука. – Не хочешь сгонять в «Тартос Донос» после пар?

Мы давно не вкушали карне асаду¹...

– Профти, – шепелявлю я с ногтем во рту. – Мне надо отработать смену в мастерской, нуфны деньги.

Джой царапает меня по руке острыми коготками, и я чувствую себя предательницей. Подруга обожает местную кухню, приправленную таким количеством чили или табаско, что у меня слезятся глаза просто от запаха её кесадила. Если спросить у Джой о трёх самых любимых вещах в её жизни, первым в рейтинге она поставит еду. Вторым будет флирт с симпатичными мальчиками. Потом, вероятно, иду я. Ну, я надеюсь. В моём списке Джой – самый любимый мой человек. Сразу после Грегори, моего отчима, от которого (в том числе) мне приходится скрываться уже два с половиной года.

Это долгая история. Главное, что вам стоит знать: я никого не убила, не поранила и вообще никому не причинила вреда. Только себе и своему миленькому синему «Скай-лайну», который пришлось утопить в реке вместе с частью вещей, чтобы скрыть побег от громил Бертубера. Те гнали меня до самой мексиканской границы, как какого-то криминального авторитета, так что я намеренно газанула с моста, вывалившись из машины в последний момент. На память мне остались три продольных шрама поперёк лопаток, которые я скрываю под слоями одежды и только в мастерской Стива позволяю себе работать в коротких топиках. Стив шутит, что я могла бы перекрыть шрамы татуировками, но иглы

¹ Маринованная и обжаренная на гриле говядина.

и местные тату-салоны меня пугают. В Санта-Ане, как и во многих других маленьких городках Мексики, балом правит полная антисанитария.

– Таким образом в банаховом пространстве для любых сходящихся объектов найдётся предел последовательности, принадлежащий этому же пространству, – объясняет профессор Торрес. Я моргаю. Очевидно, сейчас я не принадлежу пространству этой аудитории, я выпала из него в свои воспоминания. Длинный шрам, достающий до правого плеча, чешется; я тру его под рукавом тонкой кофты. Снова болит голова и тянет суставы. У меня озноб? Надо бы померить температуру...

Пара заканчивается вместе со звонком, все вытекают из-за своих мест, вливаясь в общий поток голодных студентов. Джой тянет меня к выходу.

– Мисс Кирк? – доносится со стороны кафедры. Я замираю у дверей аудитории, в меня врезаются Патрик и Уилл. Джой тоже останавливается, ворчит на парней, чтобы те шли дальше.

– Д-да? – Голос срывается на писк. И чего я так нервничаю?

Профессор молчит; ждёт, что я подойду к нему сама. Обычно я стараюсь не попадаться на глаза преподавателям слишком часто – лишнее внимание ни к чему в моей-то ситуации, но отказывать новому профессору в беседе будет невежливо, правда?

– Детка, ты иди, – мямлю я Джой, но та стоит в дверях, как мой телохранитель. Она не знает, почему я так прячусь ото всех, но принимает правила игры и часто сама отвлекает преподавателей, пока я сбегаяю от них в мастерскую.

– Я тебя подожду, – говорит Джой внезапно сердитым голосом.

Ладно, будет лучше, если за спиной будет стоять малыш, готовая перегрызть горло любому, кто меня обидит. Приятно иметь в подругах такую защитницу.

Я подхожу к профессору Торресу, ожидающему у кафедры. Он смотрит на меня и молчит, стискивает рукой деревянную столешницу, костяшки пальцев побелели от напряжения. Ему-то чего на меня злиться? Я останавливаюсь в двух шагах от него – по его лицу пробегает едва заметная дрожь, ноздри раздуваются, словно он не может вдохнуть как следует. Воздух в аудитории кондиционируется, и тут вполне прохладно, но я ощущаю идущий от его тела жар. Ему нехорошо? Я встаю рядом, внезапно ловлю себя на мысли, что хочу коснуться профессора.

Что за наваждение, с чего бы?

– Мистер Торрес? – зову я. Кажется, будто он тоже выпал из пространства: зрачки его тёмных глаз сужаются и расширяются в такт тяжёлому дыханию, и он явно где-то... не здесь.

– Хотел уточнить у вас пару деталей, – говорит он так тихо, словно борется с собой, вырывая слова из глотки. Я ви-

жу, как под его оливковой кожей вверх-вниз двигается острый кадык.

— М-ага? — киваю я, подстраиваясь под громкость его голоса. Теперь мы оба почти шепчем.

Пока профессор Торрес вёл лекцию, я едва его слушала и старалась на него не смотреть, но теперь я замечаю, что его красивое лицо покрыто глубокими морщинами: борозды пересекают низкий лоб, в уголках глаз видны «лапки». В щетине застряли редкие седые волоски, они же украшают его виски. Он говорил, ему тридцать четыре, когда отвечал на бестактный вопрос Рэйчел Винтер, сидящей в первом ряду, но, думается, он приврал. Хотя какой смысл ему скрывать возраст?

— Вы... — Он вздыхает, чуть ли не с трудом отлепляет руку от кафедры. Проводит ею по волосам, стискивает переносицу двумя пальцами. — Я читал ваше досье.

Я напрягаюсь. Слышу, как Джой тоже резко выдыхает.

— И?

Я жду всего на свете: того, что он спросит, почему я не указала в личной информации опекунов, почему при своих интересах выбрала направление физики и электромагнетизма, почему мои документы не соответствуют образцам Канады, как полагается... При поступлении я написала в досье всякую ерунду, времени было мало, и я постоянно паниковала, что меня в любой момент выследят и выцарапают из Мексики обратно в Аризону. Парень, у которого я делала до-

кументы, содрал с меня баснословную сумму за свои услуги, и я отдала ему всё, что у меня было, лишь бы он сделал мне поддельный паспорт и предоставил возможность поступить в Технологический университет Санта-Аны без особых проблем. Как позже выяснилось, часть бумаг были устаревшего образца, но меня приняли – вот везение! – и в документах особо не копались. Я соврала, что была невнимательна при заполнении формуляров.

Я была глупа.

В Санта-Ану я приехала с двадцаткой в кармане, долго питалась тем, что пошлют, а однажды даже украла у соседки по общежитию пятьсот долларов, чтобы подделать себе права. Она меня поймала, но не стала ни о чём расспрашивать и всучила мне ещё двести баксов.

Так я познакомилась с Джой.

– У вас хорошие показатели, – говорит Торрес. Я с облегчением выдыхаю. Он это замечает, вскидывает бровь. Морщины на его лбу становятся ещё заметнее. – Почему вы не стали развивать теорию из курсовой?

Потому что не хочу, чтобы меня заметили в Совете и принялись копаться в моих неправильных документах.

– Разве это необходимо? – спрашиваю я, хмурясь. Если всё внимание нового профессора сводится к моим успехам в учёбе, мне неинтересно.

Лучше бы спросил, чем я люблю заниматься в свободное время. Пригласил выпить чашечку кофе. Я не пью кофе, но

с ним согласилась бы даже на эспрессо, от которого у меня сводит желудок.

Хочу его потрогать. Почему-то кажется, что прикосновение к его коже не вызовет неприятную дрожь, что я, наоборот, испытаю облегчение.

О Боже, о чём я думаю?! Джой бы мной гордилась.

Торрес морщится. Ему так неловко со мной говорить? Тогда не расспрашивал бы.

– Нет, – отвечает он односложно. Ему явно тяжело даётся беседа, он постоянно тянет руку к носу, будто хочет накрыть его. Чувствую себя Беллой Свон на первой паре по биологии. От меня что, воняет?

– М... Это всё? – спрашиваю я. – Могу идти?

Торрес сглатывает снова.

– Можете идти, – говорит он.

Я киваю, кусая нижнюю губу.

– Тогда... До свидания, профессор.

Из аудитории я ухожу твёрдым шагом, рассерженная на себя и смущённая из-за Торреса. Джой, застрявшую в дверях, отлепливаю от косяка. В отличие от меня она оборачивается, поэтому приходится тащить её в коридор.

– Станный он, – говорю я. Джой фыркает.

– Не то слово! – рычит она сквозь стиснутые зубы. Она злится. – Не оставайся с ним наедине, малыш, он очень...

– От меня чем-то пахнет? – перебиваю я. Джой дёргает пухлой губой, всё ещё пытаясь на Торреса.

– Да, – отвечает она спустя мгновение и смотрит на меня, расплываясь в улыбке. – Тостами с маслом и свежей смородиной.

– Чего?

– Очень вкусно, между прочим!

Мы спускаемся на первый этаж в столовую, уже до отказа набитую студентами. Джой осматривается в поисках свободных столиков и замечает Уилла у широкого панорамного окна.

– Идём, я умираю с голоду.

– Я не понимаю.

– Концепцию энергопотребления в человеческом организме?

– Нет.

Мы останавливаемся у столика Уилла, тот широко улыбается. Обсуждать при нём поведение Торреса – нецелесообразно.

– Уже получила выговор от нового профессора-красавчика? – спрашивает он и подмигивает. Уилл Гонсалез чертовски обаятельный парень, но дружит с Патриком, и это его самый большой недостаток. Если бы они не тусовались вдвоём, слипшись в сиамских близнецов, я бы общалась с Уиллом больше. С ним приятно обсуждать что угодно, от нарушений всех законов физики в последних частях «Форсажа» до теории корпускулярно-волнового дуализма и голосового модулятора С-ЗРО.

– Он не красавчик, он псина вонючая, – припечатывает Джой и плюхается на свободное место рядом с Уиллом. Мы с ним одинаково удивляемся: на паре Джой была от него в восторге, и резкая смена настроения даже после странного разговора не должна была сказаться на её мнении о внешности горячего испанца.

– Ой, – ахает Уилл. – Что такое, милашки, вас отшили?

Джой строит ему рожицу, подтягивает к себе его тарелку с картошкой фри.

– Я принесу тебе поесть, – предлагаю я.

– Не торопись – вон Патрик идёт, я стащу что-нибудь с его тарелки тоже.

Я стону в голос. Ладно, сейчас можно вытрясти из него признание во всех грехах и запретить приближаться ко мне на пять с половиной миль.

Он садится напротив Уилла, рядом со мной.

– Чего от тебя хотел новичок?

Понюхать, видимо.

– Спросил, что я собираюсь делать со своей жизнью.

Патрик подталкивает ко мне тарелку с кесадильей, но Джой тащит одну себе в рот и съедает так быстро, что я не успеваю даже моргнуть. Аппетит у моей малышки зверский.

– Не подходи к нем-му, – предупреждает Джой с набитым ртом, запивая еду колой. – Этот придурок даже дышать в твою сторону не должен.

– Он просто спросил меня о курсовой, – почему-то защи-

щаюсь я.

– Меня же он ни о чём не спрашивал, – огрызается Джой. – Вообще, эта псина может всё из твоего досье узнать, зачем ему лично спрашивать?

Уилл и Патрик косятся на неё с недоумением.

– Что с ним не так-то? – спрашивает Патрик.

– Всё, – отрезает Джой и больше тираду не продолжает. – Не кусай ногти.

Я тяну палец ко рту, но останавливаюсь и опускаю руку на стол.

– Как скажешь, ма-ам.

– То-то же. С этого момента я твоя мамочка, так что, если Торрес снова к тебе полезет, скажи ему, чтоб шёл разбираться со мной, твоим опекуном.

– А место папочки вакантно? – уточняет Патрик, скалясь. Все мы, даже Уилл, закатываем глаза.

– Кстати, о папочках... – Я поворачиваюсь к Лахаме. – Ты, кажется, сильно преувеличил свои вчерашние заслуги.

– Эй, да я всего лишь...

– Хватит врать всем вокруг, Патрик, – с нажимом прошу я. – Ты дождёшься, что я отделаю тебя арматурой!

Он не кажется и вполонину напуганным, наоборот, подсаживается ко мне поближе и склоняет голову.

– Может, мне бы даже понравилось, а?

Вот же идиот.

– Ты хоть знаешь, что такое арматура? – спрашивает Уилл

со смешком в голосе. – Это не дилдо, debil.

Не поймите неправильно: меня Патрик не столько бесит, сколько раздражает на физическом уровне. Мне не очень хочется прикасаться к нему – да и к кому бы то ни было, кроме Джой. Но Лахама безобидный в большинстве случаев, если только не тянет ко мне свои руки и не просит с ним прогуляться. Не хочется портить его симпатичное личико, хотя для профилактики можно отвесить пару пощёчин, наверное...

Я доедаю кесадилью (Джой требует, чтобы я нормально питалась, и я следую её совету неохотно, под строгим надзором новоиспечённой мамочки).

– Пойду на следующую пару, – объявляю я, поднимаясь с места. Патрик тянется за мной. Вот сейчас можно ему и врезать, пожалуй.

– Что делаешь после пар?

– Работаю.

– А вечером?

– Работаю.

– Эй, да брось...

– Патрик, ещё хоть слово, и Джой впечатает тебя в стену, – угрожаю я. Джой согласно кивает, хотя я вижу, что в этот момент всё её внимание занимают остатки фри и кетчуп.

Я машу рукой подруге и поворачиваю к выходу из столовой. По пути до аудитории замечаю профессора Торреса – опять он! – вырливающего с другого конца коридора. Не

зная, куда спрятаться, я мечусь между двумя стенами и в итоге позорно сбегаю в туалет прямо после того, как Торрес меня замечает.

От паники я не сразу замечаю, что в туалете – писсуары. О чёрт, я ввалилась в мужской!

– Думаю, вы ошиблись дверью, – раздаётся за моей спиной, и я вся обмираю, вдавливая в пол носки кед. Грёбанный ад.

– Д-да, я не особо внимательная, – мямлю я, оборачиваясь. Торрес смотрит на меня с высоты своего роста, его широкие плечи заслоняют спасительную дверь. Тут мало места, чтобы выйти, придётся протискиваться между ним и стеной. О, отличный шанс его потрогать и убедиться, что я просто чокнулась и на самом деле он тоже мне неприятен!

На лице Торреса снова написано что-то между отвращением и злостью. Не понимаю, что такого сделала, но атмосфера между нами наливается свинцом. И мне снова жарко.

– Пр-простите, я могу?..

Он, кажется, меня не слышит – и не двигается. Я прочищаю горло.

– Профессор Торрес?

– За что мне это... – бормочет он себе под нос и снова трёт рукой переносицу, будто я раздражаю его до самых мозгов.

Вместо того чтобы подвинуться и дать мне пройти, он пятится и выходит из туалета. Я в недоумении наблюдаю за тем, как он останавливается прямо за дверью и придерживает её

рукой.

– Мисс Кирк, – зовёт он. Голос хриплый, низкий, почти рокочущий. Я подтормаживаю. – Вы собираетесь воспользоваться мужским туалетом?

Да, писать буду, отвернись.

– Нет, – говорю я и выскальзываю из помещения, вжимая голову в плечи. Проходя мимо Торреса, я специально задеваю его плечом, и он... вздрагивает. Постойте-ка, это в самом деле приятно. И меня не тянет вывернуть наизнанку всю кожу. Только вот от Торреса исходит такая волна лихорадочного жара, что меня окутывает ею целиком. Может, он просто заболел?

– Если вам плохо, на третьем этаже есть медпункт, – говорю я, замирая в шаге от его фигуры. Он крупный, хотя я ниже всего на голову. Взглядом упираюсь ему в грудь, обтянутую хлопковой бежевой рубашкой. Сквозь ткань проступают очертания какого-то кулона на цепочке, что-то продолговатое, прямоугольное, как военный жетон. Хочу коснуться груди профессора. Тело не слушается, будто живёт своей жизнью. Что это за фигня?

– Мисс Кирк, – снова зовёт Торрес. Я смотрю выше, сталкиваясь с его потемневшими глазами. Зрачки такие широкие, что почти заполнили радужку, он смотрит на меня сверху вниз и еле дышит.

– Вам бы всё-таки показаться врачу, – предлагаю я с сомнением. Он прикрывает глаза, словно ему больно на меня

смотреть.

– Идите уже.

Да, точно. Я собиралась от него прятаться, а не раздавать советы, о которых он не просил.

Неловко кивая, я удаляюсь быстрым шагом в сторону своей аудитории. Не знаю, почему готова бежать. При всей своей странности Торрес не кажется... пугающим. Вернее, рациональная часть меня резонно вопит, что не стоит с ним разговаривать и оставаться наедине, как только что, но внутри не поднимается волна привычной тревоги.

Было бы куда приятнее, если бы он не дышал рядом со мной через раз, будто от меня за милю несёт помойкой. Было бы куда приятнее, если бы он продолжал смотреть на меня своими тёмными глазами.

Я стучу себя по груди, пытаюсь успокоить разбушевавшееся сердце.

Глупая овечка.

Как бы я ни сторонилась Торреса, по какой-то причине мы сталкиваемся в течение следующей недели постоянно. Я натыкаюсь на него в коридорах, он задаёт мне вопросы на лекциях – и их действительно приходится слушать внимательно, – и даже в столовой он не сводит с меня внимательных глаз. Это должно тревожить, но на самом деле я заинтригована. Рядом с Торресом – спокойно. И мне хочется дотронуться до него ещё раз, чтобы убедиться, что прикосновения эти приятны. Ой, да на его лекциях у меня даже голова перестала болеть!

В пятницу я торчу на крыше учебного корпуса, наблюдая, как солнце окрашивает разноцветные дома Санта-Аны в закатный оранжевый. Это моё любимое время дня: уже не жарко и ещё не темно, отчего можно рассмотреть город, утопающий в тёплом свете. Я переживаю тут окончание пар у Джой (мои сегодня закончились раньше), чтобы потом отвезти её домой по пути в мастерскую. Пью латте на безвкусном молоке из университетской столовой, морщусь оттого, что не чувствую даже сахарного сиропа на дне бумажного стаканчика.

Если бы я не знала, что в моём теле гуляет чужеродная хрень, решила бы, что снова подцепила ковид. Это длится уже два с половиной года, я почти привыкла к отсутствию аппетита, частому перепаду давления, головным болям и ознобу. Хотя, знаете, когда тебе дают внезапную пилюлю и возвращают жизнь к уровню «шрам не болел уже 19 лет», ты ис-

пытываешь такое невероятное облегчение, что хочется плакать.

Ладно, плакать хочется сразу после лекций Торреса, когда я покидаю его аудиторию и снова попадаю в шумные коридоры со студенческими голосами, что врезаются в самый мозг и мешают мою реальность с болью. Поэтому сейчас я прячусь на крыше, дожидаясь Джой. Стаканчик с кофе дрожит в руке, я перехватываю его второй ладонью, морщусь. Кожа потеет, неприятно.

На лекциях Торреса я теперь сижу в первых рядах, хотя Джой потребовала от меня, чтобы я так нагло на него не пялилась. Профессор раздражает её, она говорит, что тот «воняет». Джой всегда выражается странно, как-то немного позвериному, что ли. Я списываю её привычки и словарный запас на характер – мало ли, какие у человека в голове тараканы. У меня, например, daddy issues (но с отчимом), побег из дома и инсценировка собственной смерти, но, эй, я же не жалуюсь!

Интересно, связано ли моё состояние рядом с Торресом с тем, что он мне симпатичен? Прежде я подобного не замечала: с некоторых пор люди мне не нравятся в принципе – любой, кроме Джослин, вызывает в теле некоторое... отторжение. Обычно снизить негативную реакцию помогает алкоголь – и вот так мы пришли к ситуации с Патриком.

Рука снова чешется, как и оставленные на лопатке шрамы. Зудит всё тело, несильно, можно терпеть, но я была бы

благодарна организму, если бы мы не испытывали такой дискомфорт вообще. Видимо, в ближайшее время мне не светит никакой спокойной жизни.

Разве что Дин Торрес предложит мне своё тело в пользование – как бы ужасно это ни звучало.

Дверь на крышу за спиной открывается со скрипом и хлопает. Я жду, когда Джой подойдёт ко мне и встанет у заграждения, и не оборачиваюсь.

– Пары кончились?

Рядом хрустят деревянные перила, и я внезапно ощущаю абсолютную тишину – голову словно накрывает спасительным коконом тишины, уши перестаёт резать шум со двора университета. Я резко поворачиваюсь и вижу перед собой профессора Торреса.

– Ой. Простите, я думала, это Джой.

Он окидывает меня внимательным медленным взглядом. Боже, какой же он горячий. Во всех возможных смыслах этого слова.

На нём сегодня обтягивающая торс рубашка белого цвета, рукава закатаны – я вижу оливковую кожу его предплечий с редкими тёмными волосками, пальцы с короткими ногтями, фалангу большого пальца украшает маленькая татуировка в виде запятой или кляксы. Не знаю, что это. Отличительный знак крутых парней?

– Мисс Кирк, – кивает он мне и облокачивается на заграждение. То скрипит под его весом.

Я переступаю с ноги на ногу, перевожу взгляд с него на городской вид. Солнце слепит глаза, но теперь, когда Торрес рядом, оно не кажется таким уж несносным: зрение приходит в норму, перед носом больше не пляшут белые точки. Голова погружается в спасительную тишину, становится легче дышать.

– Часто сюда приходите, – говорит Торрес. Не спрашивает – значит, видел меня тут не один раз.

– Ну, тут хорошо, – объясняю я и кусаю щёку изнутри. Не знаю, о чём говорить с преподавателем, кроме матанализа и космических теорий, что числятся в сфере его интересов. Но хочется узнать его поближе. Странное чувство. Это из-за того, как реагирует на него моё тело, вот и всё.

– Тут опасно, – коротко говорит вдруг Торрес. Я кошусь на него.

– Я не собираюсь прыгать отсюда, – зачем-то уточняю я. Он хмыкает, давя между губ смешок.

– Я не имел в виду крышу.

От него исходит приятный аромат. Что-то древесное, с ноткой тропического фрукта. Сандал? Кедр? Пачули? Я не сильна в парфюме, могла бы уточнить у Джой, но она только возмутится.

– Вы сюда тоже отдохнуть пришли, профессор?

– Наверное. Не думал, что увижу вас. Приятное совпадение.

У него очень красивый голос. Низкий, бархатистый, в та-

кой хочется укутаться, как в пуховое одеяло зимой.

Я убираю прядь волос за ухо, делая вид, что не заметила флирта. Преподавателям нельзя подкатывать к студенткам, это непрофессионально, к тому же влечёт за собой последствия. Но я и так местная криминальная пешка под прикрытием, так что не вижу проблем в лёгком смол-токе.

– Почему вы приехали в Санта-Ану, мисс Кирк? – спрашивает Торрес. Я вскидываю в удивлении брови.

– Э... Хотела получить хорошее образование?

Он смотрит на меня как на дурочку, снисходительно. Я сдаюсь сразу же.

– Хотела сбежать от проблем.

Это не ложь, но расценить ответ можно по-разному. Если разговор продолжится в том же русле, я скормлю Торресу байку про умершего отца, в которую все верят.

– Интересный выбор, – комментирует он. Я пожимаю плечами.

– Ничем не отличается от прочих. У меня было не так много вариантов с моей успеваемостью.

Торрес кидает на меня короткий взгляд.

– Думаю, вы сильно преуменьшаете свои способности, мисс Кирк.

– А?

– Я видел вашу курсовую. – О, опять он об этом! – У вас интересный ход мыслей, да и преподаватели оценивают вас как потенциально успешного научного сотрудника. Если, ко-

нечно, вы захотите продолжать обучение.

Почему-то кажется, что он говорит о нынешнем этапе, а не о том, что после четырёх лет обучения студентам Технического предлагают места в университетах Америки. Глупости, не может же Торрес знать, что я готова сбежать из города хоть завтра, если заподозрю, что за мной сюда примчался сам Бертубер или даже его прихвостни.

– Я пока не думала о будущем, – говорю я спокойно. – В моей жизни слишком много факторов, которые я не могу контролировать.

– Звучит удручающе.

Да неужели?

– А вы? – перевожу я тему. – Почему вы приехали сюда?

Торрес долго молчит, изучая крыши окружающих нас учебных корпусов, тонущих в оранжево-красном свете закатного солнца.

– Искал кое-что, – наконец отвечает он.

Я склоняю голову, чтобы разглядеть его лицо.

– Нашли?

– Не уверен. Слишком много факторов, которые я не могу контролировать.

Я улыбаюсь. Несмотря на его обрывочные фразы, мне с ним так спокойно, что я бы болтала на любые темы, не касающиеся моей личной жизни, весь вечер. Хочу прикоснуться к руке Торреса. Если его кожа такая же тёплая, как я думаю, она подарит лёгкость.

Рядом с ним я чувствую себя... в безопасности. Ничем не могу объяснить это, ощущение не поддаётся рациональному мышлению, на которое я стараюсь опираться. Считайте это интуицией. Или болезненным желанием стать здоровой в компании человека, что мне симпатичен.

Ветер треплет мои волосы, бросает их мне в лицо, несёт исходящий от меня запах пота в его сторону.

– Вы давно преподаёте, профессор?

Он выпрямляется, неожиданно напрягается. Это же простой вопрос, верно? Отчего он стискивает зубы?

– Я не думал, что вернусь к преподаванию, – размыто отвечает Торрес. – Раньше хотел быть учителем старших классов, потом как-то... не задалось.

– Но вы здесь.

– Стечение обстоятельств. Совпадение.

Многовато совпадений на него одного.

– Но вы же интересуетесь наукой, – хмурюсь я. Торрес смотрит на меня, убирает руки в карманы брюк.

– После университета я собирался в аспирантуру, продолжить научную деятельность.

– Что же произошло?

– Попал на службу.

– О.

Так он служил. Неудивительно. Уилл как-то сказал, что по Торресу заметна военная выправка, но я тогда к его доводам не прислушалась. Бывший военный пошёл в преподаватели?

Какое необычное решение.

Он долго молчит, я тоже не знаю, как продолжить разговор. Судорожно перебираю в уме любые вопросы, которые могли бы расшевелить его, не дать повода ускользнуть. Хочу провести в спокойном коконе рядом с ним больше времени.

– Я знал, что меня заберут в армию, – говорит Торрес вдруг. – Просто считал, что у меня будет больше времени на обычную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.